

Ф. Я. Алксов. «Вид Английской набережной со стороны Васильевского острова в Петербурге». 1810-е годы.

К. Разплов. «Английские набережные». Середина XIX века.

◀ К. Разплов. «Тройка на улице Санкт-Петербурга». Середина XIX века.

«Поезд Царскосельской железной дороги». Конец 1830-х годов.

● ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

«Если открытия будут продолжаться беспрестанно в таком же множестве и с таким же рвением, то любопытно знать, что будет с родом человеческим через тысячу лет...»

Фаддей Булгарин (1789—1859).
«Правдоподобные небылицы, или
Странствование
по свету
в двадцать девятом
веке».

(См. стр. 118.)

Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке
// журнал "Наука и жизнь", 2005
FB2: x*x, 29 May 2016, version 1.1
UUID: F537DC04-3A16-442E-ADA0-688824361B30
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Фаддей Венедиктович Булгарин

**Правдоподобные небылицы,
или Странствование по свету
в двадцать девятом веке
(илл. Шумилкиной)**

Рассказ был опубликован в журнале «Наука и жизнь»,
№ 8, 2005 г.

Рисунки И. Шумилкиной.

Фаддей Булгарин Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХІХ веке

ПРАВДОПОДОБНЫЕ НЕБЫЛИЦЫ, ИЛИ СТРАНСТВОВАНИЕ ПО СВЕТУ В ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОМ ВЕКЕ

Не хочу присваивать себе чужого и признаюсь перед читателями, что уже многие прежде меня пускались странствовать на крыльях воображения в будущие века. Известный французский писатель Мерсье и немецкий Юлий фон Фосс особенно отличились в сём роде. Но как область вымысла чрезвычайно обширна и всякому позволено странствовать в ней безданно и беспошлинно, то я вознамерился также перешагнуть (разумеется, в воображении) за 1000 лет вперед и посмотреть, что делают наши потомки. Мерсье и фон Фосс поместили в своих сочинениях много невероятностей, вопреки законам природы, я, напротив того, основываясь на начальных откры-

тиях в науках, предполагаю в будущем одно правдоподобное, хотя в наше время несбыточное. Нравственную цель сей статьи читатели увидят сами.

Однажды вздумал я пригласить моего доброго приятеля переехать со мной на ялике из Петербурга в Кронштадт. Погода была прекрасная; тихий ветерок играл с нашим парусом. Поговорив о древнем и нынешнем состоянии России, о великом ее преобразователе Петре I и о будущих благоприятных надеждах, мы невольно завели философический разговор о способностях рода человеческого вообще и о благе, проистекающем от направления сих способностей к полезной деятельности.

— Веришь ли ты, — спросил меня приятель, — что род человеческий беспрестанно стремится к совершенству в нравственном отношении и что наши потомки будут лучше нас?

Я. Хотя не совсем верю, но желаю этого от чистого сердца.

Приятель. Как, не веришь? Сравни дикого

аборигена Новой Голландии с образованным европейцем: рассмотри философически причины различия между частными людьми и народами, и после этого ты удостоверишься, что нравственное состояние человека усвершеняется беспрестанно по мере успехов просвещения в народе, благоустройства в государстве, изощрения способностей человека в занятиях благородных, возвышенных, полезных.

Я. Не сомневаюсь, что человек способен к совершенству, но верю, что эта постепенность образованности от дикаря Новой Голландии до просвещённого европейца имеет свои пределы и не может простираться за черту, назначенную природой.

Приятель. Это голос самолюбия мудрецов XIX столетия. Древние греки и римляне, без сомнения, также думали, что степень их образования есть самая возвышенная; но согласись, что они, в сравнении с нами, дети, едва вышедшие из младенчества.

Я. Не соглашаюсь. Древние образованные народы обращали все умственные свои способности на усвершенствование философии,

нравственности, политических сведений, изящных искусств и общежития. Должно сознаться, что они достигли возможного совершенства во всех сих отраслях человеческих познаний. Со времён Сократа и Платона едва ли сказано что-нибудь нового по части светской нравственности и философии. Повторяю, они превосходили нас в нравственном отношении, довели до возможного совершенства все отрасли образованности, обратившие на себя их внимание, и умели лучше нас наслаждаться жизнью.

Притель. Но зато как мы далеко шагнули вперед в науках физических. В последнее столетие сделано более открытий, нежели в первую тысячу лет. В наше время созданы химия, физиология, физика, механика, медицина, открыто электричество, магнетизм, исследованы газы... и проч. Всё это со временем завлечёт нас далеко на поприще открытий и усовершенствований.

Я. Правда, что в физических науках мы гораздо выше древних, и если открытия будут продолжаемы беспрестанно в таком же множестве и с таким же рвением, то любопытно

знать, что будет с родом человеческим через тысячу лет...

Едва я успел кончить последние слова, как вдруг поднялся сильный ветер; одним ударом опрокинуло наш ялик: я упал в море и потерял чувства...

Когда я пришёл в себя, мрак ночи препятствовал мне видеть, где я находился; но я чувствовал, что лежу в мягкой постели, укутанный одеялами. Через несколько времени свет начал пробиваться через малые отверстия в

ставнях, — я отворил их и остолбенел от удивления. Стены моей комнаты, сделанные из драгоценного фарфора, украшены были золотой филигравовой работой и барельефами из того же металла. Ставни сделаны были из слоновой кости, а все мебели из чистого серебра.

Я открыл окно, и мне представилась великолепная площадь, окружённая прекрасными лакированными домами различных цветов. Кругом площади и по бокам широкой улицы, продолжавшейся во весь разрез города, были сделаны крытые галереи для пешеходов, а на мостовой чугунные желобы для колес экипажей. Все улицы ещё были пусты; я увидел одного только часового, стоявшего у большого фонтана посреди площади.

Наконец мало-помалу начали отворяться двери и окна в домах. Представьте себе моё изумление, когда я увидел господ и госпож в парчовых и бархатных платьях, выметавших улицы или поспешавших с корзинами на рынок в маленьких одноместных двухколесных возках, наподобие кресел: они катились сами без всякой упряжки по чугунным жело-

бам мостовой с удивительной быстротой. Вскоре появились большие фуры с различными припасами, двигавшиеся также без лошадей. Под дрогами приделаны были чугунные ящики, из коих на поверхность подымались трубы: дым, выходявший из них, заставил меня догадываться, что это паровые машины. Крестьяне и крестьянки, сидевшие на возах, все одеты были с таким же великолепием в парчу и бархат; при этом зрелище я более уверился, что я сошёл с ума, и принялся горько плакать о потере небольшого количества моего рассудка.

Через полчаса дверь отворилась в моей комнате, и вошёл господин в парчовом полукафтани, в шёлковых чулках, с распущенными кудрями по плечам. Он с низким поклоном объявил мне чистым русским языком, что его барин прислал осведомиться о моём здоровье и спросить, что мне угодно.

— Скажите, ради Бога, где я и что со мной делается? — воскликнул я трепещущим голосом.

Служитель, как казалось, не понимал моего вопроса и потому не отвечал.

— Как этот город называется? — спросил я.

— Надежин, — отвечал слуга.

— В какой стране он лежит?

— В Сибири, на Шелагском Носу.

При сих словах я громко рассмеялся.

— Как в Сибири! — воскликнул я.

— Точно так, — отвечал слуга. — Но позвольте доложить моему барину, что вы проснулись; он придёт к вам, и вы лучше с ним объяснитесь.

Слуга пособил мне одеться в платье, сшитое наподобие азиатского, из ткани чрезвычайно лёгкой, голубого цвета.

— Кто же таков ваш барин? — спросил я. — Вероятно, какой-нибудь принц, судя по богатству его дома.

— Он профессор истории и археологии при здешнем университете, — сказал слуга.

В сие время он вошёл в мою комнату, в такой же простой и лёгкой одежде, как моя, и, вежливо поклонившись, просил меня сесть с ним рядом на канапе. Не дав ему выговорить слова, я повторил мой вопрос: где я нахожусь, и, услышав прежний ответ, спросил, каким образом я здесь очутился.

— Вчера люди, работавшие на берегу морском, — сказал профессор, — нашли вас в меловой пещере завёрнутого в драгоценную траву *radix vitalis* (жизненный корень), которую мы употребляем для возвращения к жизни утопленников, задохшихся и всех несчастных, у которых жизненные силы остановились от прекращения дыхания, без расстройства органов. Но скажите мне, в свою очередь, каким образом вы попали в эту пещеру?

— Не знаю, что вам отвечать, — сказал я. — Вчера, то есть 15 сентября 1824 года, я упал в море между Кронштадтом и Петергофом, близости Петербурга, а сего дня нахожусь в Сибири, на Шелагском Носу, в великолепном городе! Признаюсь вам, — продолжал я, — что я сомневаюсь в моём здоровье и думаю, что моё воображение расстроилось. Всё, что я слышу и вижу, удивляет меня и приводит в недоумение.

— Знайте, что ныне 15 сентября 2824 года и что вы спокойно проспали в пещере целые 1000 лет!

— Возможно ли? — воскликнул я.

— Пожалуйста, не удивляйтесь ничему, —

сказал профессор, — а скажите мне, помните ли вы все происшествия своего времени?

— Помню, как вчерашний день, — отвечал я.

— Прекрасно, — сказал он, — вы можете нам объяснить многие исторические и археологические предметы и принесёте большую пользу истории просвещения. Взамен я вас познакомлю с нравами и обычаями нашего времени; между тем пойдёмте позавтракать; я вас представлю моему семейству.

Мы сошли в нижний этаж по круглой лестнице из слоновой кости и вошли в залу, убранную с невероятным великолепием. В ожидании прибытия дам я вступил в разговор с профессором.

Я. Кто бы подумал, что Шелагский Нос, только что описанный в наше время и состоявший из ледяных и снежных глыб, будет населён? Что суровый климат северной Сибири превратится в роскошную полуденную страну, в Эльдorado, и что, наконец, у профессора будет более золота, нежели в наше время было у всех вместе взятых откупщиков, менял и ростовщиков!.. Непонятно!

Профессор. Сравните описание Германии Тацита и записки о Галлии Юлия Кесаря с состоянием сих стран в XIX веке: климат, люди, всё переменялось. Точно то же сделалось с Сибирью: всё это весьма естественно и нисколько не удивительно. Истребление лесов, осушение болот, переход внутренней теплоты земли к Северу, возвратное движение равноночных пунктов (Praecessio aequinoctiorum, precession des equinoxes) и, наконец, множество непредвиденных случаев изменили наш климат; теперь мороз водворился в Индиях и в Африке, а полярные страны сделались самыми роскошными и плодородными.

Я. Полярные страны! В наше время только начали их отыскивать и описывать одни углы. Скажите, отыскан ли северо-западный путь и справедливо ли предположение наших учёных, что Берингов пролив соединяется на севере с Баффиновым заливом?

Профессор. Без сомнения. В наше время это обыкновенный путь кораблей из Индии в Европу.

Я. Но скажите мне, откуда у вас такое множество золота и серебра? В наше время даже

в сказке неприлично было бы говорить о таком богатстве.

Профессор. В ваше время золото и серебро составляли богатство, а ныне эти металлы почитаются самой обыкновенной, дешёвой вещью и употребляются только небогатыми людьми.

Я. Из чего же чеканите вы монету и делаете драгоценные свои вещи?

Профессор. Из дубового, соснового и берёзового дерева.

Я. Из дерева, которым у нас топили печи, из которого строили барки, крестьянские дома, мостили дороги!..

Профессор. Оттого-то, что наши предки без всякой предусмотрительности истребляли леса и не радели о воспитании и сохранении деревьев, они наконец сделались редкостью и драгоценностью. Богатство и вкус — вещи условные: первое происходит от редкости предметов и трудности их приобретения; второе зависит от прихоти людей или моды, всегда смешной и странной. В глазах мудрого истинное богатство состоит в возможности удовлетворения первым жизненным потребно-

стям, а впрочем, всё равно, на золото или на куски дерева вы покупаете необходимые для вас вещи. Мне известно по истории, что даже в ваше время король Сандвических островов, Тамеамеа, платил европейцам за пушки, корабли и товары сандаловым деревом. Согласитесь, однако ж, что дуб превосходнее сандала.

Я. Это правда: богатство есть вещь условная.

В сие время вошла жена профессора с двумя прелестными дочерьми и маленьким сыном. Женщины были одеты в туники из рогожек, сплетённых весьма искусно и окрашенных в радужные цвета. Мальчик лет 10 был просто в халате. Каждая женщина в левой руке имела кожаный щит, покрытый непроницаемым лаком, чтобы закрываться от нескромных глаз, вооружённых очками с телескопными стеклами, которые были в большой моде. Хозяйка сказала мне несколько слов на неизвестном мне языке, но, увидев, что я не понимаю, спросила по-русски, неужели я не говорю по-арабски.

— Нет, — отвечал я, — в наше время весьма немногие учёные занимались изучением сего языка.

— Это наш модный и дипломатический язык, — сказал профессор, — точно так же, как в ваше время был французский.

Женщины не могли скрыть улыбки при сих словах, и старшая дочь спросила меня:

— Может ли это стать, чтобы ваши дамы говорили французским языком, однозвучным, почти односложным и беднейшим словами из всех языков?

— В наше время, — отвечал я, — дамы говорили по-русски только с лакеями, кучерами и служанками, а всю свою премудрость истощали в подражании французскому произношению. У нас кто не говорил по-французски, — продолжал я, — тот почитался невежею в большом свете, хотя иногда так случалось, что те из русских, которые между собой говорили всегда по-французски, бывали величайшими невежами.

— Всё это повторяется теперь у нас, — сказал профессор, — с той только разницей, что французский язык в наше время есть то же,

что у вас был чухонский, а богатый, звучный и гибкий арабский язык заступил место французского.

В это время человек принёс поднос, уставленный деревянными некрашеными чашками, поставил его на золотой столик и через несколько минут принёс две деревянные же чаши, одну с русскими щами, другую с гречневой кашей, и бутылку с огуречным рассолом. Я решительно отказался от этого завтрака, чему всё семейство крайне удивлялось.

— Жена моя, — сказал профессор, — хотела угостить вас самым дорогим завтраком из заморских растений; извините её, она не знает археологии и потому не могла угодить вашему вкусу. Я велю вам из кухни принести чаю, кофе и шоколаду: эти в ваше время лакомые вещи ныне употребляются только чёрным народом.

— Правда, — сказал я, — что уж в наше время простой народ начал излишне употреблять чай и кофе: я предвидел, что со временем богатые люди, для отличия, откажутся от сих растений. Но я не понимаю, каким образом, взамен чаю и кофе, самые грубые расте-

ния: капуста, гречиха и огурцы — вошли в такую честь!

— От редкости, — отвечал профессор. — Переменной климата переменялось царство растений, и эта обыкновенная и грубая в ваше время пища ныне получается на кораблях из Индии, взамен бананов, кокосов, корицы, перцу и гвоздики, которые мы туда посылаем. Впрочем, исследования учёных медиков доказали, что капуста, гречиха и огурцы — здоровая и питательная пища — достойны оказываемой им чести. Можно утвердительно сказать, что эти растения гораздо полезнее всех горячительных средств, которые в таком множестве употреблялись в ваше время и производили подагру, расслабление нервов и преждевременную старость.

Напившись чаю, я предложил профессору прогуляться со мной по городу и осмотреть некоторые заведения; он согласился на это, и мы, надев небольшие соломенные шляпы, вышли на улицу.

Осматривая дом с улицы, я не мог довольно налюбоваться прекрасной отделкой фри-

зов, капителей, колонн и других наружных украшений. Плоды, цветы и различные фигуры, изображённые на стенах между окнами, превосходили всё, что я доселе видел по части ваятельного искусства.

— Прекрасная лепная работа! — сказал я.

— Вы ошибаетесь, — отвечал профессор, — все наши дома и все эти украшения сделаны из чугуна.

— Как, чугунные дома! — воскликнул я. — Это что-то необыкновенное. Хотя в наше время начали уже употреблять чугун для дорог, мостов, колонн, лестниц, разного рода машин, полов, даже картин и галантерейных вещей, но я никак не мог предвидеть, чтобы из чугуна можно было строить дома.

— Ничего нет легче, — сказал профессор, — строитель дома представляет на чугунный завод план и фасад здания, и ему отливают нужное число ящиков или сундуков, колонны, пол, потолки и крышу, которые скрепляются между собой винтами. Ящики, закрытые со всех сторон, имеют по одному малому отверстию с винтом, через которое насыпают в ящики сухой песок, а для крепости стен и за-

щиты от влияния атмосферы сии ящики спаиваются между собой особенной массой вроде мастики. Такие дома весьма удобно переносить с места на место, и несколько огромных фур с паровыми машинами перевозят его в несколько часов.

— Всё это хорошо, — сказал я, — но такое множество металла не привлекает ли в город электричество во время грозы?

— На что же громовые отводы, — сказал профессор, — которыми в ваше время так мало пользовались? Посмотрите, у нас над каждым домом, мостом и будкой находится громовой отвод, а кроме того, мы всегда снабжены этим спасительным орудием. Снимите вашу шляпу, — примолвил профессор.

Я снял её, и он мне показал под пучком перьев складной громовой отвод и клубок цепочки для сплыва электрической материи на землю.

— Вот это прекрасно, — сказал я, — но при всём том гром может оглушить человека.

— Посмотрите в вашем боковом кармане, — сказал профессор, улыбаясь.

Я вынул три небольшие эластические ша-

рика из красивой коробочки, и профессор объявил мне, что это воздухоотражатели, которые должно класть в рот и в уши во время грозы.

— Итак, у вас всё придумано для спокойной и беспечной жизни, — промолвил я, повертывая эластические шарики.

— К чему бы иначе послужили науки? — сказал профессор. — Из одного любопытства, право, не стоит посвящать жизнь на новые открытия и усовершенствования.

В это время мы проходили мимо купеческого магазина, и я остановился посмотреть, как двенадцатилетний мальчик, посредством простого рычага, укрепленного на шпиле, поднимал огромные тяжести и препровождал их в слуховое окно, где другая машина (в виде весов, укрепленных на блоке, управляемая также мальчиком) спускала товары на пол.

— Боже мой! — воскликнул я. — Самые простые средства в механике, открытые ещё в баснословные времена, известные в наше время каждому плотнику: рычаг, клин, весы и винт, — наконец дождались своего настоящего употребления. В наше время тысяча че-

ловек работали бы в поте лица при подобном случае.

— Это самое простое средство, — сказал профессор, — но у нас есть паровые подъёмные машины, которые поднимают, как пёрышко, стопушечные корабли и ворочают утёсами, как булыжником. Человек силён одним своим умом, и так он должен действовать своими умственными силами для преодоления сил физической природы... Но сядем в валовую машину, — сказал профессор, — чтобы поспешить к прибытию воздушного дилижанса. Сего дня почтовый день, и я ожидаю писем от сестры моей, из Новой Голландии.

Мы сели в покойные кресла на рессорах; мальчик завёл пружину, стал сзади, и мы покатались по чугунным желобам столь же быстро, как в наше время скатывались с летних гор на Крестовском острове или у качелей на Святой неделе.

Вскоре мы прибыли на обширную площадь, где возвышалась чугунная башня с террасой наверху. Здесь мы остановились, и профессор объявил мне, что это воздушная при-

стань. Едва мы взошли на террасу, как увидели вдали огромный шар, к которому подвезан был большой плашкот,[1] в виде птицы, размахивавшей крыльями и хвостом необыкновенной величины. Чёрный дым вился струёй за судном и с первого взгляда удостоверил меня в существовании паровой машины.

Между тем аэростат приблизился, свернул крылья, бросил якорь на террасу, и часовой, прикрепив якорный канат к вертикальному колесу, посредством пружины привёл его в движение и притянул дилижанс на поверхность пристани. Человек до ста мужчин и женщин вышли из плашкота, каждый с особнным парашютом в руках. Пока в конторе разбирали письма, я любовался устройством воздушного дилижанса и осматривал крылья, которые ничем не отличались от употребляемых в ветряных мельницах. Профессор, приметив, с каким любопытством я осматривал механизм сего аэростата, по прочтении писем пригласил меня за город, на воздушное ученье, и мы тотчас отправились туда в ездовой машине.

Не могу выразить чувствования, объявше-

го мою военную душу, при виде двухсот огромных аэростатов с плашками, выстроенными в одну линию на земле. Пред каждым стояло по сто человек солдат, вооружённых духовыми ружьями со штыками. По первому сигналу люди взошли на плашкоты, по второму зажгли огонь в паровых машинах, а по третьему музыка заиграла военный марш, развились разноцветные флаги, и аэростаты поднялись на воздух. Сперва они пролетели значительное пространство в одну линию,

потом разделились на плутонги[2] и начали делать различные повороты. Ничто не может сравниться с величием и прелестью этой картины: я был в восхищении, но вскоре мой восторг превратился в ужас. По данному сигналу из духовой пушки с аэростата главного начальника воздушной эскадры вдруг солдаты бросились опроретью на землю с неизмеримой высоты. Я обмер от страха, но вскоре пришёл в себя, увидев распускающиеся в воздухе парашюты, которые, плавно опускаясь в различных направлениях, представили взорам моим другого рода прелестное зрелище. Солдаты, коснувшись земли, выпутались проворно из сеток, свернули парашюты и, привязав их как ранцы к спине, немедленно построились и начали производить пешие маневры.

— Каково вам это нравится? — спросил профессор.

— Чудеса! — воскликнул я. — После этого изобретения ни крепости, ни оборонительные местоположения, ни быстрые переходы не спасут неприятеля. Одно только отчаянное мужество может сохранить армию от поражения.

— Погодите немного, — сказал профессор, — вы увидите, что против каждого средства есть противодействие.

Через несколько времени аэростаты опустились на землю, и несколько других шаров, без плашкотов, пустили на воздух на верёвках.

— Это на что? — спросил я профессора.

— Для цели, — отвечал он.

В эту минуту выступила рота солдат, без ружей, с колчанами за плечами и самопалами в руках. Начальник скомандовал, и они начали бросать из луков конгревовы ракеты, [3] от которых шары тотчас полопались в воздухе.

— Вот это ужасно! — сказал я.

— Опасность не столь велика для воздухоплавателей, как вы думаете, — отвечал профессор, — ибо люди в подобных случаях спасаются на парашютах и обыкновенно не лишаются жизни, но попадают в плен.

Когда ученье кончилось, я пожелал увидеть вооружение солдата: ружья, как выше сказано, были духовые, а в сумках, вместо пороха, находились съестные припасы, а имен-

но: один серебряный ящичек с крепким бульоном, вываренным из различных растений и мяс, которого несколько крох достаточно для пропитания целого семейства по крайней мере на месяц; другой ящичек наполнен был мукой из питательного саго, для делания опресноков,[4] и, наконец, каждый солдат имел при себе пневматическую машину для превращения воздуха в воду в случае нужды и машину для произведения кислотвора,[5] а из одного огня для варения пищи.

Похвалив все сии применения наших изобретений к общественной жизни, я заметил, что удобство иметь всегда при себе огонь, воду и съестные припасы особенно спасительно на кораблях, где часто случается, что во время кораблекрушения людей выбрасывает на необитаемые берега, и несчастные погибают там от нужды и изнурения.

— В наше время все эти изобретения пригодны только воздухоплавателям и вовсе не нужны для морского флота, — сказал профессор. — Во-первых, потому, что у нас более не бывает кораблекрушений, ибо суда построены из меди и железа, а во время бури опуска-

ются на дно морское; во-вторых, морская вода в несколько минут, посредством гидравлических очистителей, превращается в пресную; в-третьих, дно морское доставляет нашим мореходцам и водолазам множество растений и животных для пропитания, и, наконец, в-четвёртых, потому, что в наше время вовсе нет необитаемых берегов: вся Земля населена, удобрена и украшена руками людей, размножившихся до невероятной степени. Даже голые утёсы среди океана, посредством привозной и сделанной из камней земли, превращены в роскошные сады, а безопасность подводного плавания и воздушное сообщение поддерживают взаимные сношения отдалённых стран и удовлетворяют жизненным потребностям.

— Итак, подводные суда, изобретённые в наше время американцем Фультоном и усовершенствованные англичанином Джонсоном, введены в употребление? — спросил я.

— Без сомнения, — отвечал он. — Вы, подобно детям, забавлялись новыми изобретениями, как игрушками, а мы поступаем как взрослые люди. Жизнь человеческая слиш-

ком коротка, чтобы в продолжение её можно было наслаждаться цветами изобретения и плодами усовершенствования. Надобно слияние многих жизней, опыты веков, чтобы каждая новая выдумка и открытие принесли немалую пользу.

Наконец профессор объявил мне, что он должен поспешать на лекцию в университет. Я просил его взять меня с собой, но, для избежания взоров любопытства, скрыть от всех, что я всеобщий дедушка или предок нынешнего поколения. Мы снова сели в ездovou машину и покатались обратно в город, проехав во всю его длину к противоположным городским воротам, и, миновав оные, остановились у крыльца великолепного и огромного здания, окружённого ботаническим садом и зверинцем.

Распределение факультетов было то же самое, что и в наше время, только науки имели свои собственные подразделения, которые в наше время показались бы смешными и странными. Например, в юридическом разряде перед науками законоведения и судопро-

изводства находились три новые разряда, а именно: добрая совесть, бескорыстие и чело-
веколюбие. К философии прибавлены были
здравый смысл, познание самого себя и сми-
рение. В разряде исторических наук я заме-
тил особенное отделение под заглавием:
нравственная польза истории, а к статистике
и географии прибавлено было отделение: до-
стоверность показаний. В филологическом
разряде первое место занимал отечествен-
ный язык. Особенная наука под названием:
применение всех человеческих познаний к
общему благу — составляла отдельный фа-
культет.

Вдруг раздался звук колокола, наступила
тишина в собрании, а профессор здравого
смысла взошёл на кафедру. Профессор гово-
рил понятным для всех языком, излагал исти-
ны, близкие сердцу. Он говорил, что здравый
рассудок повелевает безусловно повиновать-
ся законам той земли, где мы живём; не осуж-
дать опрометчиво поступков старших, во-пер-
вых, из снисхождения к человечеству, а во-
вторых, потому, что мы, наблюдая действия,
часто не знаем ни первой побудительной

причины, ни цели. Он советовал судить о делах по следствиям, а не по началу и не по первым впечатлениям, приводя в пример спасительные лекарства, которые, действуя на тело, производят часто неприятные ощущения. Говорил, что общее благо граждан проистекает от стремления каждого в особенности к вспомоществованию ближним. Делать добро другим значит делать добро себе самому, потому что этим средством приобретается право на любовь и уважение других, а с сим вместе на их помощь.

После того мой хозяин, профессор, начал изъяснять археологию, и я удивился, когда он, вместо одних букв, чисел, часов и почерков, начал объяснять, по древним памятникам, степень гражданской образованности народов, их обычаи, нравы и критическими изъяснениями стал доказывать, чему должно подражать и что отвергать. Слава Богу, подумал я, что наконец сухая археология, удручавшая мою память и раздражавшая моё терпение, получила истинное своё направление.

Профессор кончил лекцию, и пока слушатели расходились по домам, он повёл меня в

библиотеку.

К большому моему удивлению, я здесь не нашёл сочинений, которым, в наше время, друзья сочинителей предсказывали в журналах бессмертие, а напротив того, увидел книги, о которых мало говорили, а ещё менее читали, занимающие здесь почётные места. Чтобы не трогать самолюбия моих современников, я вовсе умолчу об их именах; скажу только, что я тщётно искал новых наших романтиков, наших нежных Парри и чувствительных Ламартинов (разумеется, подражателей) и всех сладкозвучных поэтов. С переменной вкуса переменялось понятие о прекрасном, и с преобразованием языка рассеялась условная прелесть: звучные слова, как пустое эхо, замолкли в воздухе, а картины исчезли, как тени при появлении солнечных лучей. Остались только возвышенность мысли, сила чувствований, глубокое познание всегда неизменного сердца человеческого, просвещённая любовь к родине и великие истины природы; а сладкозвучная поэзия, составленная из одних слов и картин, разбилась, как старые гусли.

Утешьтесь, знаменитые тени Ломоносова, Державина, Озерова, Фонвизина, ты, древний Нестор, красноречивый Платон, остроумный Кантемир и прочие поборники истины! Я видел ваши творения, оценённые по достоинству, ваши имена, начертанные золотыми буквами в сём святилище ума и гения. Скажу больше: сочинители грамматик и словарей, изыскатели отечественного языка уцелели в сём литературном кораблекрушении. Потомство, всегда признательное к полезным трудам, сохранило их память. Всё прочее поглощено временем.

Но утешьтесь и вы, почтенные мои собратия, журналисты, милые поэты и лёгкие прозаики, утешьтесь моим собственным уничтожением: тщётно я искал моего имени под буквой Б. Увы! я не мог отыскать его под спудом тысячи лет, и все мои статейки, критики и антикритики, над которыми я часто не досыпал ночей, в приятных надеждах на будущее — исчезли! Сперва я хотел печалиться, но вскоре утешился и, выходя за двери, весело повторил любимое моё выражение: *Vanitas vanitatum et omnia vanitas!* (Суета сует и всяче-

ская суета.)

Профессор сказал мне, что должно поспешать домой, где ожидают его гости, которых он созвал в честь моего пробуждения.

Собрание было многочисленное. Профессор пригласил почтеннейших людей в городе, первостепенных дам и знатных иностранцев, в числе коих было несколько негров и людей оливкового цвета. Хозяин сперва представил меня градоначальнику, человеку, отличному своими сведениями, нравственными качествами и заслугами. Он был в цвете лет, деятельно исполнял свою должность и пользовался всеобщим уважением.

После того профессор подвел меня к молодому человеку небольшого роста, с широким лицом, сплюснутым носом и назвал его принцем эскимосским, начальником эскадры, стоявшей на якоре на здешнем рейде. Я недавно читал «Путешествие» Парри и удивился сходству лицеочертания сего принца с картинками, приложенными к книге сего путешественника, изображающими жителей полярных стран, бедных эскимосов, которые в на-

ше время, подобно медведям, блуждали по необитаемым берегам и льдам полярных морей. Вежливость и образованность сего принца и находившихся с ним двух адъютантов заставили меня догадываться о высокой степени просвещения полярных стран.

Засим профессор познакомил меня с молодым негром и назвал его сыном знаменитого Барабаноя, полководца сильнейшей в Африке империи Ашантской. Этот юноша путешествовал для приобретения опытности, сопровождаемый своим наставником.

Между тем слуга доложил, что кушанье подано: мы пошли в залу и уселись за круглым столом, без всякого порядка, где кому было угодно, — исключая женщин, которые поместились в один ряд. Стол был уставлен разного рода кушаньями в деревянных блюдах; они стояли на золотых подносах и треножниках, а согревались лампами с водородным газом. Большая часть кушаньев, чрезвычайно вкусных, состояла из неизвестных мне растений и мяса; одни только рыбы припоминали мне наше время.

Градоначальник, приметив моё любопыт-

ство, сказал:

— Всё, что вы здесь видите на столе, исключая хлебного и плодов, есть произведение моря. По чрезвычайному народонаселению на земном шаре и по истреблению лесов все почти животные и птицы, которых прежде в таком множестве употребляли в пищу, перевелись; лошадей мы бережём, как верных наших товарищей; верблюдиц, коров и овец сохраняем для молока и шерсти, слонов для войны. Но зато море представляет нам неисчерпаемый магазин для продовольствия. После изобретения подводных судов и усовершенствования водолазного искусства дно морское есть плодоносная нива, населённая несчётным множеством питательных растений, а воды снабжают нас в изобилии рыбами, водоземными животными и раковинами. В странах, отдалённых от моря, люди занимаются фабриками, рукоделиями, разведением плодов, хлебных растений и винограда; воздушное сообщение доставляет нам средства весьма скоро меняться различными произведениями.

— Кстати о винограде! — сказал я, налил

бокал и выпил за здоровье собеседников. Вино показалось мне удивительного вкуса: оно соединяло в себе игру и мягкость шампанского с крепостью бургонского и имело какой-то очаровательный запах.

Наконец мы встали из-за стола; дамы перешли опять в другую комнату, а нам подали трубки с какой-то ароматической травой. Хозяин сказал мне, что эта трава производит противоположные действия табаку, то есть вовсе не имеет наркотического (снотворного) свойства, не кружит головы, помогает пищеварению и очищает мозг от винных паров.

По старой привычке после обеда я перешёл к дамам, чтобы послушать красноречивых и пламенных суждений о шляпках и чепцах, также скромных пересудов о недостатках ближнего. Но я едва верил ушам моим, когда услышал, что матери разговаривали между собой о воспитании детей и о средствах к счастливой супружеской жизни. Старушки приводили различные примеры из светской жизни, в подкрепление полезных истин, а модные девицы говорили о литературе, о сво-

их занятиях и о хозяйстве.

Слуга поставил несколько столиков в средину комнаты, и я ожидал, что хозяйка станет раздавать карты, как водилось в наше время. По моему обыкновению, я собирался бежать из дому, потому что я всегда предпочитал сон или прогулку этому занятию, но, по счастью, вышло противное. Принесли газеты, ландкарты, новые эстампы; мужчины и дамы занялись чтением, рассматриванием картинок, разговорами, рассуждениями, и мы не заметили, как время пролетело.

Я особенно забавлялся рассматриванием географических карт, которые мне толковал президент Камчатской академии. Все места в Азии, Африке, Америке, Новой Голландии, которые в наше время означались на картах пустыми и ненаселёнными, теперь испещрены были надписями городов и каналов. Возле полюсов изображены были большие острова, столь же населённые, как в наше время Франция. Кроме сего, меня удивило то, что все реки имели правильное направление наподобие каналов. Президент сказал мне, что все реки ныне сделаны судоходными: берега око-

паны и проведены прямыми линиями для предохранения удобренных мест от наводнения и употребления большого пространства земли для хлебопашества, что каналами осушены все болота и установлено водное сообщение на целом земном шаре.

Между тем смерклоось, и в одно мгновение все дома и улицы осветились газом. Эскимосский принц и глава купечества Алеутских островов предложили мне пойти с ними в театр; я с радостью согласился.

На улицах было столь же светло, как среди дня. Кроме бесчисленного множества фонарей на всех площадях сделаны были искусственные солнца посредством отражения света в фантасмагорических фонарях особенного рода, сделанных из выпуклых и вдавленных зеркал.

В театре помещалось до двадцати тысяч зрителей: он так был устроен, что во всех отдалённых углах слышно было каждое слово, произнесённое тихо на сцене. Декорации доведены были до такого совершенства, что я принимал все предметы за естественные; машины приводили в очарование как по изоб-

ретению, так и по быстроте. Представляли трагедию и оперу. Я не хочу распространяться об игре актёров и о музыке: скажу только, что я был в восхищении.

В антракте принц эскимосский, разговаривая со мной о различных предметах, предложил мне отправиться с ним в его отечество, обещая мне вознаградить потерю моего имени, которого я не надеялся получить обратно после тысячи лет. Любопытство и обстоятельства заставили меня согласиться на его предложение, с условием, однако же, чтобы он доставил мне способы быть полезным обществу. Принц на другой день поутру возвращался в своё отечество.

Из театра мы зашли к профессору, и я, поблагодарив за спасение и за все вежливости, объявил о намерении, простился с его семейством и, обещая скоро возвратиться, поехал с принцем на ездовой машине в гавань, где шлюпка ожидала нас и перевезла на адмиральский корабль, который великолепием уподоблялся огромной галантерейной игрушке. Принц ночным сигналом повелел флоту: к свету быть готовым сняться с якоря.

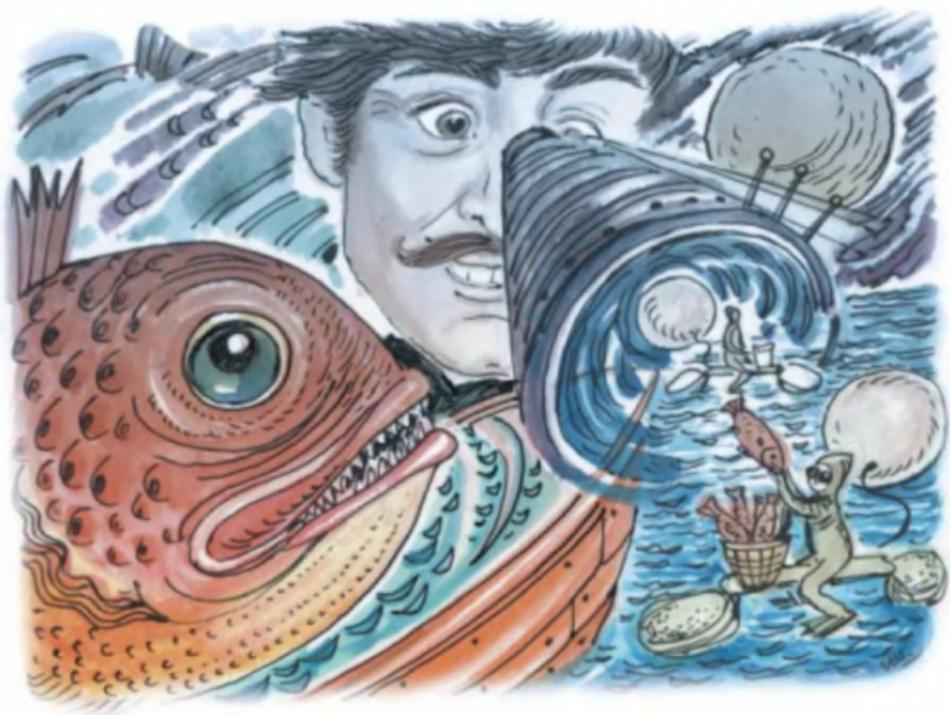
Между тем я занялся рассмотриванием корабля. Он был сделан из медных листов, спаянных и скреплённых винтами. Воздушные пушки, гидравлические чистители, химическая кухня, отопляемая газом, и удобность доставать съестные припасы на дне морском были причиной, что корабль не был завален множеством тяжестей. В средней его части, между трюмом и палубой, устроена была огромная машина вроде часов, которая заводилась ключом и — в случае безветрия или подводного плавания — приводила корабль в движение посредством четырёх колёс, прикрепляемых к осям снаружи. Мачты были складные и лёгкие.

Выйдя на палубу, я чрезвычайно удивился, увидев множество людей, разгуливающих по морю без лодок, других — ныряющих и выходящих из воды в полном одеянии с корзинками, наполненными зеленью, устрицами, рыбами и прочими произведениями моря.

Толпы разносчиков окружили наши корабли, и я сошёл в ялик, чтобы хорошенько осмотреть этих водоходов и водолазов. Они были одеты в ткани, непроницаемые для во-

ды; на лице имели прозрачные роговые маски с колпаком. Каждый из них сидел верхом на узкой скамейке с четырьмя кривыми ножками, к которым приделано было по одному жестяному шару, наполненному воздухом. Под скамейкой прикреплено было колесо, которое вместо весел приводило её в движение. К ногам водоходов привязаны были лопатки для управления машиной при поворотах. При каждой скамье плавал на верёвке большой жестяной шар. Если надобно было опускаться на дно морское, этот шар наполняли водой, и тогда тяжесть его увлекала человека ко дну, когда же надлежало подниматься, то посредством архимедова винта, приделанного к шару, выливали из него воду, и скамья с человеком снова всплывала на поверхность. По обоим концам скамьи висели два кожаных мешка, наполненные воздухом, для дыхания под водой посредством трубок.

Я непременно хотел спуститься на дно и погулять по морю, но в это самое время начали сниматься с якоря. Ветер был самый попутный, и мы полетели стрелою по открытому морю.

На другой день мы находились на высоте Ледяного мыса. В наше время это был предел человеческих открытий за Беринговым проливом, и только немногие русские мореплаватели дерзали пускаться далее Кука в сих морях, запертых льдами от Севера. Здесь природа, погружённая в хладную дремоту, в наше время не производила ничего к услаждению человеческой жизни и была столь же сурова, как вечные льды и скалы. Теперь плодо-

носные деревья и виноград зеленелись на берегах; золотые купола башен и храмов, великолепные здания и мачты корабельные в порте возвещали о цветущем состоянии сей страны. Город на Ледяном мысе назывался Куковым открытием. Мы не имели времени здесь останавливаться; но принц, заметив моё любопытство, сказал мне, улыбаясь, что если я хочу видеть город, то он в минуту перенесёт его на корабль, невзирая на то, что мы находимся от него в тридцати верстах. Тотчас подняли на высоту мачты камеру-обскуру с огромным телескопом: несколько впуклых и выпуклых зеркал в различных направлениях, отражая предметы с удивительной точностью, представили нам через тёмную трубу целый город на столе (точно так, как в модели) с жителями, экипажами и всеми городскими занятиями. Я мог различить физиономии людей, представлявшихся в миниатюре, и по телодвижениям догадывался даже о предметах их разговоров.

Принц, желая более позабавиться на счёт моего невежества, спросил, не хочу ли я послушать, что говорят между собою в городе.

— Хотите ли знать, — сказал он, — что шепчет вот, например, эта пожилая женщина с молодым человеком в уединённой аллее сада?

— Очень рад, — отвечал я в шутку.

Принц велел подать свою слуховую трубу, после того измерил тригонометрически расстояние между кораблём и садом, между мною и говорящей парой, выдвинул несколько колец в слуховой трубе, остановил на известном числе градусов, в середине трубы зажёл какой-то спирт, велел мне приложить ухо к узкому концу, и я через несколько минут почувствовал, что звук приближается и, наконец, явственно доходит до моего слуха. Считаю излишним передавать читателям содержание разговора, слышанного мною в саду города Куково открытие.

По сродному мне любопытству я просил истолковать мне действие слуховой трубы и усовершенствование оптики. Принц сказал:

— Время, опыт и поощрение учёных просвещённой публикой довели все первоначальные открытия до высочайшей степени совершенства: я вам тотчас покажу несколь-

ко образчиков.

Принц велел принести телескоп и спросил, вижу ли я что-нибудь на небе.

— Ничего, — отвечал я.

— Итак, поглядите.

Я посмотрел в телескоп на Луну и увидел на ней города, крепости, горы, леса — точно в таком виде, как представляются окрестности Страсбурга с башни Минстера. Животные двигались на Луне, как муравьи, но невозможно было различить их формы и вида. Отдалённые неподвижные звёзды казались солнцами во всём блеске, похожими на наше; удивительное множество планет в необыкновенной величине представлялось взорам и наполняло воздушное пространство.

Принц повернул телескоп в открытое море, и пространство нескольких тысяч вёрст исчезло: цель нашего плаванья, Полярная страна, показалась столь близко, что я невольно вздрогнул, воображая, что мы ударимся о берега. После этого принц подал мне свой лорнет, обнажил грудь и велел смотреть: я увидел кругообращение крови в жилах, отделение соков в лимфатических сосудах, дей-

ствие воздуха в лёгком и весь механизм физической природы нашей, точно как будто в стакане.

— Как бы хорошо было, — воскликнул я, — изобрести очки, через которые можно было бы видеть сердечные чувства!

— Это можно видеть отчасти и теперь, — отвечал принц. — Например, если вы изъясняетесь в любви и кровь вашей возлюбленной бросается к сердцу, изливаясь из него постепенно и производя лёгкий трепет в нервах, — знак, что вы любимы. Быстрое излитие крови из сердца — означает гнев, а естественное кругообращение — равнодушие. Если кровь в человеке начинает волноваться при виде драгоценных камней, это признак корыстолюбия. Повествование о великих подвигах, о высоких чувствованиях в благородном человеке столь сильно волнует кровь, что даже потрясает голодную нервную систему, — в другом не производит ни малейшей перемены. Одним словом, по внутреннему движению крови весьма легко узнавать то, что не обнаруживается на лице и словами.

— Правда, — сказал я. — Но позвольте мне

увидеть опыты над усовершенствованием вкуса: в старые годы я любил полакомиться и хороший стол при гостеприимстве всегда почитал отличным качеством богатого человека.

Принц отложил это до обеда и в самом деле угостил меня так, что у меня и теперь во рту чешется при одном воспоминании о разных кушаньях, которые по несколько раз изменяли вкус от нескольких капель каких-то бульонов.

После обеда принц сжёг ароматический порошок, которого благовоние до такой степени восхитило меня, что все нервы во мне затрепетали от радости, ум воспламенился, и я в первый раз в жизни заговорил стихами.

Наступило последнее испытание: принц велел мне натереть руки благовонной помадой, чрез полчаса осязание моё сделалось столь нежно, что я тотчас научился различать цвета одним прикосновением, и сделался столь щекотлив, что хохотал во всё горло — от одного дуновения ветра.

Наконец мы вступили в полярный архипе-

лаг. В самом виду берегов барометр показал приближение бури.

Принц тотчас повелел флоту спуститься на дно морское. В одно мгновение мачты убрали, прикрепили колеса, закрыли все люки, исключая несколько отверстий с клапанами для впускания воды в особую переборку в трюме, и корабль начал опускаться на дно морское. Достигнув известной глубины, закрыли клапаны, завели машину и корабль быстро пошёл вперёд. Внутри было довольно светло, и я не чувствовал никакой тягости в дыхании: воздухохранительная и воздухоочистительная машины были в беспрестанном движении. Я не отходил от окна и наслаждался новым зрелищем. Рыбы и морские животные стадами кружились возле корабля, и стоило только бросить сеть, чтобы достать запаса на целый год.

Между тем колебание моря сделалось ощутительным под водой, и принц велел выстрелить из духовой пушки для сигнала, чтобы остановиться на якоре. Все суда повторили выстрелы и бросили якоря.

Наш корабль остановился возле подвод-

ной плантации, принадлежавшей богатому жителю полярных стран. Мне весьма хотелось осмотреть этот новый род недвижимого имущества на дне морском, принадлежавшего в наше время тюленям, ракам и устрицам. Принц велел меня нарядить в воздушное платье, снабдил двумя мешками воздуха и, посадив на водоходную скамейку, научил её действовать.

Он не забыл дать мне в проводники искусного водолаза. Когда я был готов в путь, меня поставили близ дверей, быстро их отперли, вытолкнули вместе с проводником в воду и тотчас заперли двери.

Опускаясь на дно морское, я увидел, что оно было разделено каменными заборами, а в иных местах столбами с надписями, означающими границы владельцев, и усеяно пирамидальными строениями. Проводник сказал мне, что это подводные дома, вроде наших ферм или хуторов, где работники и хозяева отдыхают после трудов или прогулки. Кругом были огороды морских растений и огромные четверугольные каменные строения с железной решёткой вместо крыши. Я взглянул

В некоторые из них и увидел, что это садки или подводные зверинцы, наполненные разнородными рыбами, водоземными животными, устрицами и проч.

Вдруг из одной пирамиды раздался звук колокола. Проводник сказал мне, что это знак приглашения, и мы поспешили к дверцам, находившимся у самого подножия: они растворились, и мы вошли в середину. В нижнем этаже было на несколько футов воды, которую механическая помпа беспрестанно выкачивала. Мы слезли со скамеек и пошли по лестнице во второй этаж, назначенный для отдохновения работников; здесь вовсе не было воды, равно как и в третьем, великолепно убранном, где находился сам хозяин с несколькими приятелями. Узнав, кто таков, хозяин повел меня по комнатам, показал мне весь механизм подводных зданий и растолковал, каким образом их строят. На самом крепком фундаменте складывают пирамиду из огромных четверугольных камней, скрепляя их железными полосами и свинцом; окна делаются из толстого стекла с железными решётками. Когда строение кончено, тогда вы-

качивают из середины воду и проводят по дну медные трубы для выпуска воздуха. Трубы сии выходят на поверхность воды возле берега, а в открытом море воздвигается для сего нарочно одна пирамида, возвышающаяся над водой, где сходятся все трубы подводных строений. Воздушные насосы способствуют кругообращению атмосферы, и я на опыте узнал, что в сих подводных жилищах воздух даже гораздо чище, нежели вверху.

Побеседовав несколько с хозяином дома и его приятелями, я возвратился на корабль. Между тем буря прошла, и принц повелел флоту подниматься. Тотчас привели в действие механические насосы; корабль, по мере убавления воды в трюме, поднимался и вскоре всплыл на поверхность моря. Всё пришло в прежний порядок, и чрез полчаса мы бросили якорь на рейде города Парри, столицы Полярной империи.

Принц взял меня с собой в город, и я здесь гораздо более изумился, нежели в Надежине. Здесь все дома построены были из толстых масс самого чистого стекла. Стены покрыты были разноцветными барельефами и, отра-

жаясь на солнце, казались объятymi пламенем. Прелестные стеклянные портики, храмы и великолепные здания с цветными колоннами на каждом шагу привлекали и восхищали мои взоры. Мостовая сделана была из блестящего металла, подобного цинку. Принц, хотя озабоченный приветствиями весёлого народа, стремившегося к нему навстречу, заметил моё удивление.

— Вам кажется странным, — сказал он, — что вы не видите здесь чугунных строений, как в Надежине. Мы не имеем много железа и вместо того, чтобы употреблять иностранные произведения, пользуемся отечественной промышленностью. Наши горы изобилуют веществами для делания стекла, и как его весьма удобно извлекать из земли посредством огня, то мы перетопили целые скалы в стекло усиленным действием светородного [6] тела и с небольшим трудом имеем самый прочный, лучший материал для строения. Стеклянные дома просты, красивы, не подвержены пожарам, сырости и согреваются весьма скоро малым количеством газа.

Проходя мимо лавок, я увидел, что каждый

почти купец занимался чтением книги или газеты. Ездовые машины были здесь в таком же употреблении, как в Надежине; кроме того, множество людей бегало по улицам в беговых калошах. Это не что иное, как железные башмаки с пружинами и колёсами под подошвами: когда их заводили, то они катились сами собой, и пешеход столь же быстро на них переносился с места на место, как на коньках, ускоряя и останавливая по произволу действие машины.

Принц должен был поспешать к своему отцу с рапортом о благополучном возвращении флота. Я в это время хотел погулять по городу с одним из его адъютантов.

— Видите ли вы это строение на правой стороне? — сказал принц. — Это библиотека для чтения. Зная, что вы охотник до этого занятия, назначаю вам здесь через два часа свидание.

У дверей библиотеки меня встретил дежурный чиновник и ввёл в комнаты. Адъютант предупредил дежурного, что я пришелец из XIX века, и чиновник, осмотрев меня с любопытством с головы до ног, предложил

мне свои услуги для показания всего, находящегося в этом хранилище.

Я увидел здесь две машины, вроде органов, с множеством колёс и цилиндров; они показались мне чрезвычайно многосложными: мой проводник растолковал мне их употребление. Это были: машина для делания стихов и машина для прозы. При мне сделано было несколько опытов, и я постараюсь моим читателям растолковать этот механизм, сколько я успел понять с первого взгляда.

Проводник мой выдвинул ящик, в котором находились маленькие четвероугольные косточки, наподобие употребляемых в игре домино: на них были написаны разные слова. Он, без всякого порядка, всыпал несколько пригоршней слов в ящик, под которым устроены были клавиши. После того уложил на шахматной доске рифмы, завёл машину — и пошла работа! Кузнечный мех, сжимаемый цилиндром, дул в ящик со словами, которые, побрякивая от действия ветра, выскакивали на шахматную доску в такт, под музыку. Через полчаса машина остановилась, и я прочёл стихи, в которых нашёл все слова на своём

месте, меру, гармонию в стихах и богатые рифмы, — одним словом, всё, кроме здравого смысла и цели, точно так же, как в стихотворениях наших поэтов, которые страсть подбирать рифмы почитают вдохновением, а похвалу приятелей — достоинством.

Машина для делания прозы хотя устроена была точно таким же образом, но отличалась тем, что для определения тактов имела трубу и барабан, а не фортепьяно и что на косточках написаны были не одни только слова, но даже целые предложения и мысли, выбранные из разных авторов.

— Нельзя ли сочинить что-нибудь на заданный предмет? — спросил я.

— Очень можно, — отвечал мой проводник, — что вам угодно?

Тут я хотел привести в затруднение проводника и доказать неудобство сочинительных машин. Я избрал предметом сочинения описание моей родины, любопытствуя, каким образом машина отделается от этой задачи и опишет место не виданное и, может быть, не слыханное ни одним из жителей полярных стран.

Проводник достал с полки словарь древней географии, отыскал в нём название моего отечественного города, подобрал написанные на косточках речения, сходные с книгой, взял принадлежащие к описанию собственные имена, множество прилагательных, несколько вспомогательных глаголов и кучу готовых речений, бросил всё это в ящик, пустил пружину, барабан ударил поход, труба заиграла марш, и косточки начали сыпаться.

Представьте себе моё удивление, когда чрез полчаса вышло довольно подробное описание города, в котором я родился. С первого взгляда показалось мне, что оно не уступает произведениям посредственных умов; но, прочитав со вниманием, я тотчас заметил напыщенность, пошлые изречения, чужие мысли и недостаток связи с целым, которые обнаруживали действие машины, а не ума.

— Весьма жаль, — сказал я, — что в наше время не знали этого изобретения; оно бы послужило в пользу весьма многим бесталанным головушкам.

— Оно было известно в ваше время, — отвечал мне проводник, — но сохранялось втай-

не между пишущей братией и переходило как наследственный секрет, от безграмотного к бестолковому и обратно. Впоследствии это изобретение усовершенствовано, а теперь во-все не употребляется и хранится только для любопытных.

Наконец пришёл принц; он велел мне за собою следовать в кабинет. Я застал там короля полярных стран, почтенного старца, на лице которого изображалась душевная доброта и во взорах видна была какая-то необыкновенная пронизательность. С ним было несколько министров и первостепенных учёных.

Король велел мне сесть и более двух часов расспрашивал о различных предметах относительно правления, образа жизни, торговли, мануфактур и просвещения в нашем XIX веке. Он, кажется, был доволен моими ответами и спросил меня: хочу ли я остаться здесь или возвратиться в мой отечественный город, Петербург? Я просил его исполнить последнее.

— Итак, я поручаю тебе должность моего литературного корреспондента в сей столице

просвещения, — сказал король, — и прикажу доставить тебе средства жить безбедно в твоём отечестве. Завтра отлетает отсюда воздушный дилижанс, и ты можешь отправиться.

Я поблагодарил доброго короля, и он вышел, оставив меня с принцем.

— Теперь, любезный странник, — сказал мне он, — ты можешь осмотреть любопытнейшие предметы в городе и вовсе не заботиться об отъезде: всё будет готово и устроено, а между тем этот господин, — примолвил он, указывая на своего секретаря, — будет сопровождать тебе в твоих прогулках по городу. До свидания!

Пройдя чрез несколько улиц, я остановился перед одним огромным строением.

— Это суд, — сказал мне мой проводник.

— Итак, при всём вашем просвещении и успехах в науках, — сказал я, — вы не успели истребить процессов?

— Это совершенная невозможность, — отвечал мой товарищ, — ибо пока между людьми будет моё и твоё, до тех пор будут тяжбы.

Мы вошли в огромную залу, наполненную

слушателями. Адвокат с возвышенного места говорил речь, и как я не слышал начала, то и продолжение было для меня не любопытно.

Я просил моего проводника показать мне канцелярию. Мне хотелось увидеть канцелярский порядок, который в наше время составлял важную часть судопроизводства.

Мы прошли в боковую залу: там, за большим столом, сидело несколько секретарей, а вместо писцов и переписчиков кругом стояли писательные машины. Я попросил показать мне действие сего механизма, и секретарь, взяв лист писаной бумаги, положил его между двумя вальками, пустил пружину, и машина пришла в движение. На один валёк навертывалась белая бумага, окропляемая сверху какой-то химической жидкостью, а другой валёк свёртывал отпечатки. Через несколько минут более двух тысяч оттисков было готово. Мне чрезвычайно понравилось это изобретение: во-первых, потому, что такая машина всегда исправна в должности и не обременительна для просителей; во-вторых, что она не разгласит канцелярской тайны, и, наконец, в-третьих, что она работает тогда, как нужно, а

не тогда, как заблагорассудится, и не отговаривается ни болезнью, ни домашними обстоятельствами. Не говорю уже о скорости течения дел, единственном желании правых и грозе виновных.

Из суда проводник мой повёл меня в дом общего воспитания. Здесь все дети бедных и богатых граждан получают первоначальные познания в науках и нравственности по одной методе и под надзором правительства.

Оттуда юноши поступают в университеты и, окончив полный курс, выходят в свет.

Непредвиденные обстоятельства заставили воздушный дилижанс отправиться в тот же вечер; итак, я, распротясь с принцем и получив кредитивную грамоту,[7] поспешил на воздушную пристань. Там ожидал меня адъютант короля, который представил мне от его имени подарок: два огромные дубовые бревна. Это было то же самое, если б в наше время подарить два слитка чистого золота такой же величины. Я просил изъявить мою душевную благодарность доброму государю, взобрался на плашкот и чрез полчаса полетел в Россию.

Мы были в пути двое суток. Земля представлялась мне сверху, как географическая карта, с оттенками лесов, вод и городов. На третье утро мы увидели Финский залив, Кронштадт и Петербург и продолжали полёт свой несколько ниже. Сердце моё трепетало от радости при виде золотых крыш, строений и возвышенных шпицев храмов и башен отечественного города. Пространство его изумило меня: до самой Пулковской горы, по морскому берегу и далеко внутрь земли, расположены были широкие улицы и огромные здания. На горе возвышался обелиск в виде египетской пирамиды. Мне сказали, что это памятник великих воспоминаний XIX столетия.

Наконец воздушный дилижанс опустился, и я, облобызав отечественную землю, пошёл в город искать для себя квартиру.

*Здесь рукопись, писанная на новоземлянском языке, кончается и начинается второе отделение на языке, которого доселе мы разоб-
рять не успели. По примеру Шамполиона, разгадавшего смысл египетских иероглифов,*

мы постараемся узнать содержание сей рукописи и тогда сообщим оное нашим читателям. До тех пор просим их не верить, если бы кто вздумал объявлять о переводе оной, потому что сия рукопись хранится у нас одних и в таком сокровенном месте, что её невозможно достать без нашего позволения.

1824

Примечания

Плашкот или плашкоут (из голл. platschuit — то же от plat «плоский», schuit «вид лодки») — широкое, плоское, мелкосидящее судно, употребляемое для перевозки тяжелых грузов по рекам и в портах, а также для настилки по ним временных мостов (т. наз. плашкотные мосты).

Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. — Павленков Ф., 1907.

(Примечание С.П.)

[^^^]

Плутонг — небольшое отделение войска в строю, для стрельбы плутонгами, мелкими залпами.

Толковый словарь Даля. В.И. Даль.
1863–1866.

(Примечание С.П.)

[^^^]

Ракета Конгрива (англ. Congreve rocket) — боевая ракета, разработанная Уильямом Конгривом (1772–1828) и состоявшая на вооружении армии Великобритании в первой половине XIX века, позже принятая на вооружение во многих других армиях мира. Первым с ракетами познакомился в Индии Уильям Конгрив-старший, а его сын Уильям Конгрив-младший в 1817 году открыл фабрику по производству ракет, тем самым положив начало европейскому ракетостроению.

(Примечание С.П.)

[^^^]

Опресноки — лепешка из пресного неквашеного теста, употр. в еврейском религиозном обиходе, как пасхальное кушанье; то же, что маца.

Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков.
1935–1940.

(Примечание С.П.)

[^^^]

Кислотвор — кислород.
(Примечание С.П.)

[^^^]

6

Светород — 1. кислород. 2. то же, что фотоген — (греч., от phos, род. пад. photos, свет, и gignomai, рождаю) — горное масло, употребляемое для ламп. 3. керосин.

(Примечание С.П.)

[^^^]

Кредитивные грамоты — верительные грамоты, которыми снабжает правительство своих вновь назначаемых послов при иностранных дворах для представления их главе государства.

Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. — Попов М., 1907.

(Примечание С.П.)

[^^^]